

В. М. ДАЛИН

РОБЕСПЬЕР И БАБЁФ

В многолетнем и до сих пор не утратившем своей страстности споре об оценке Робеспьера любое свидетельство его современников представляет живейший интерес. Но совершенно особое значение имеет свидетельство, исходящее от руководителя наиболее демократического крыла французских революционеров XVIII в. Отзывы Бабёфа о Робеспьере относятся к первым годам революции и к периоду Конвента, к тяжелой поре первых недель после 9 термидора и к периоду Директории. Это отзывы не спокойного наблюдателя, а страстного и убежденного человека, то открывающего в Робеспьере своего союзника и скрытого единомышленника, то испытывающего в нем горькое разочарование, а затем искренне и глубоко переживающего и критикующего свои собственные недавние заблуждения. Но тем ценнее эти отзывы для историка, который не может не отнестись с большим интересом к каждой строке, написанной Бабёфом о Максимилиане Робеспьере.

Историк, в полном смысле слова отдавший всю свою жизнь делу исторической реабилитации Робеспьера — мы имеем в виду, конечно, Альбера Матьеза, — посвятил в 1917 г. вопросу об отношении Бабёфа к Робеспьеру специальную статью, очень интересную, хотя и весьма спорную¹.

В советской литературе этим вопросом занимались довольно плодотворно П. П. Щеголев и в особенности К. П. Добролюбский, но они ограничились только периодом термидорианской реакции и Директории².

Интерес, который представляет данная тема, наличие ряда новых документов в московском архиве Бабёфа оправдывают нашу попытку снова вернуться к вопросу об оценке Робеспьера Бабёфом.

* * *

Исследователи, занимавшиеся этим вопросом, до сих пор считали, что первый отзыв о Робеспьере был дан Бабёфом в известном письме к Куже в августе 1791 г., опубликованном впервые А. Эспинасом³.

Однако материалы, хранящиеся в Институте марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, показывают, что деятельность Робеспьера привлекла к себе внимание Бабёфа гораздо раньше, уже в 1789 г.

Вернувшись в октябре 1789 г. из Парижа в Руа (район Мондидье, департамент Соммы), Бабёф не сразу отказался от своего проекта посылки корреспонденций в Лондон для де ла Тура. В архиве сохранилась рукопись Бабёфа — непосредственное продолжение его октябрьских корреспонденций, озаглавленная «Замечания о главных вопросах, обсуждавшихся в Национальном собрании после его переезда

¹ A. Mathiez. Babeuf et Robespierre.— «Annales Révolutionnaires», 1917, p. 370—382; перепеч. в сборнике «Autour de Robespierre». Paris, 1926 и «Etudes sur Robespierre». Paris, 1958.

² П. П. Щеголев. Заговор Бабёфа. Л., 1927; его же. После термидора. Л., 1930; К. П. Добролюбский. Грахх Бабёф и термидорианская реакция.— Сборник работ исторического ф-та Одесского гос. ун-та. Одесса, 1949, стр. 69—87; его же. Термидор. Одесса, 1949 (глава «Г. Бабёф и термидорианская контрреволюция», стр. 123—137).

³ A. Espinas. La philosophie sociale du XVIII s. et la Revolution. Paris, 1898.

в Париж». В этой рукописи, относящейся к ноябрю 1789 г., Бабёф впервые упоминает о Робеспьере.

Уже в то время деятельность Учредительного собрания начала внушать Бабёфу подозрения. Особенно резкую критику с его стороны вызвал закон о цензовом избирательном праве. Он внимательно анализирует прения в Собрании по этому вопросу и в данной связи обращает особое внимание на речь Робеспьера 22 октября 1789 г. Имя это, по-видимому, стало тогда известно Бабёфу впервые; он называет его еще «де Робеспьером» (в некоторых газетных отчетах его именовали тогда «Робер-Пьер»); но речь эта, очевидно, очень сильно заинтересовала Бабёфа, поскольку он почти целиком выписал газетный отчет о ней. Полностью приведено в записи одно из центральных положений знаменитой речи: «Если тот, кто платит налог, соответствующий однодневному заработку, имеет меньше прав, чем тот, кто платит его в размере трехдневного заработка, а тот, кто платит в размере десятидневного заработка, имеет больше прав, чем тот, налог которого соответствует только трем дням, то, следовательно, и тот, кто имеет сто тысяч ливров ренты, должен иметь в сто раз больше прав, чем имеющий только тысячу ливров дохода! Но из всех ваших декретов следует, что каждый гражданин имеет право содействовать законам, а если так, то он имеет и право быть избирателем и выборщиком, несмотря ни на какое различие в имущественном положении!»⁴.

В бумагах Бабёфа сохранилась запись еще одной речи Робеспьера в Учредительном собрании от 27 апреля 1791 г. (об организации Национальной гвардии); в этой речи обосновывалось требование зачисления в Национальную гвардию всех исключенных граждан, независимо от их имущественного положения. В записи полностью, в частности, воспроизведено следующее место из выступления Робеспьера: «Разве те, кто не платят определенных налогов, являются рабами? Разве они являются иностранцами по отношению к другим гражданам, разве они не заинтересованы в общественных делах... Являются ли они гражданами? Я краснею от того, что вынужден поставить такой вопрос... Не клеветайте на народ, выдвигая против него несправедливые обвинения. Народ добр и мужествен. Вы знаете о добродетелях народа на основании того, что он сделал для свободы. После того как он проявил столько мужества, чтобы завоевать ее, он требует для себя права выполнять все обязанности, возлагаемые на граждан, для ее сохранения»⁵.

Эти две записи Бабёфа — убедительное свидетельство того, какой отзвук находили во Франции проникнутые искренним, убежденным демократизмом речи Робеспьера, сразу привлечшие к нему общее внимание.

Никому не известный еще летом 1789 г. «Робер-Пьер» уже очень скоро после начала работы Учредительного собрания стал самым популярным представителем французской демократии. Об этом свидетельствуют, в частности, некоторые записи, обнаруженные в архиве Бабёфа.

Составляя в первые месяцы 1790 г. (не позднее марта) петицию об уничтожении права на лишение наследства, Бабёф записал на отдельном листке ряд фамилий наиболее видных членов Учредительного собрания, считавшихся тогда левыми, которым он, вероятно, собирался переслать эту петицию. Список этот таков:

«Аббат Грегуар,
Рабо де Сент-Этьенн,
Отенский епископ (Талейран.— В. Д.),
Петион де Вильнёв,
Барнав,
Шапелье»⁶.

⁴ Архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (далее — Архив ИМЛ), ф. 323, 17 В III, стр. 61.— Запись Бабёфа соответствует отчету о речи Робеспьера, помещенному в парижской газете «Point du jour», 1789, № 114.— «Oeuvres de Maximilien Robespierre», t. VI, p. 131.

⁵ Архив ИМЛ, ф. 323, 21 В II.— Запись Бабёфа соответствует отчету о речи Робеспьера в парижской газете «Gazette nationale ou le Moniteur universel», № 118.— «Oeuvres de Maximilien Robespierre», t. VII, p. 268.

⁶ Архив ИМЛ, 13 В I. Сбоку на этом же листке, но совершенно другим шрифтом записаны фамилии Ламетов и Мирабо.

Имя Робеспьера в этом списке отсутствует. Но в нашем распоряжении есть более поздние документы лета 1791 г., и по ним можно судить, насколько за один год вырос авторитет Робеспьера.

В период раскола Якобинского клуба, в связи с бегством короля, Бабёф самым решительным образом выступил против фельянов. В архиве сохранился проект его письма (27 июля 1791 г.) к депутату Учредительного собрания от департамента Уазы, бывшему священнику, ставшему уже тогда конституционным епископом, — Ж.-Б. Массье, в котором Бабёф резко критикует его переход к фельянам. «Подлинные патриоты, — писал Бабёф, — были поражены, увидев, что вы оставляете Робеспьеров (выделено нами. — В. Д.) и Петюнов, аббата Грегуара и Бюзю, чтобы сближаться с Малуэ, Лианкуром, Давдре и другими»⁷.

В другом тексте речи, датированной июлем 1791 г., «Об опасностях, угрожающих... отечеству, свободе и конституции» Бабёф также резко осуждает фельянов за их нападки «на Робеспьеров, Петюнов, аббата Грегуара, Бюзю, наиболее почетных членов Национального собрания, никогда не отступавших от дела отечества, оставшихся непоколебимо верными якобинцам»⁸. Бабёф предлагает послать приветственный адрес центральному Якобинскому клубу, наряду с другими «мужественными и просвещенными обществами друзей конституции во всех концах страны, проявляющими свое единство с верными легионами, которые ведут Робеспьеры, Петюны, Грегуары и Бюзю»⁹. Во всех этих рукописях, в отличие от записи начала 1790 г., имя Робеспьера стоит на первом месте. И это не случайно: записи Бабёфа являются несомненно, на наш взгляд, ценным документом, подтверждающим, что к середине 1791 г. Максимилиан Робеспьер стал самым видным лидером демократической Франции.

Еще летом 1790 г. Бабёфу казалось, что таким лидером является Дантон. Однако это имя позднее никогда больше не появляется в записях Бабёфа. Но зато его оценка Робеспьера складывается в тот период совершенно неизбежно. Даже в дни самой безумной травли Робеспьера, бешеной свистопляски после 9 термидора, Бабёф, сам испытывавший на себе ее влияние, все так же смело и мужественно заявил в сентябре 1794 г. в первом же номере «*Journal de la liberté de la presse*», что для него существуют два Робеспьера и что он и теперь считает, что до конца 1793 г. Робеспьер был «апостолом свободы», принципиальным «подлинным патриотом»¹⁰. Именно в эти недели Бабёф внимательно изучает и конспектирует (одновременно с маратовскими «Цепями рабства») «*Lettres de Maximilien Robespierre... à ses commetans*» и в них черпает аргументы в защиту политической демократии¹¹. Он снова вспоминает о «Письмах» Робеспьера в сентябре 1795 г., находясь в Аррасской тюрьме. Резко критикуя в своем втором обращении к «адской армии» (*armée infernale*) проект конституции термидорианского Конвента, он делает выдержку из № 11 этих «Писем» эпиграфом к своему обращению¹².

* * *

В бабёфовской характеристике Робеспьера обращает на себя внимание оценка Робеспьера как социального мыслителя. Как мы увидим, она была ошибочно истолкована Матъезом, чрезмерный «робеспьеризм» которого с наибольшей яркостью сказался в его оценке Бабёфа и взаимоотношений последнего с Робеспьером; к этой теме после указанной нами статьи он возвращался и в своей «Термидорианской реакции» и в «Директории»¹³.

Нам представляется, что высказывания Бабёфа о социальных взглядах Робеспьера важны прежде всего как документы для понимания развития социальных взгля-

⁷ Архив ИМЛ, 67 В IV.

⁸ Там же, 29 В II.

⁹ Там же.

¹⁰ «*Journal de la liberté de la presse*», № 1 [3 сентября 1794 г.].

¹¹ Архив ИМЛ, 7 В III.

¹² Архив ИМЛ, 4 В X. В тексте обращения к «адской армии», опубликованном по копии М. Домманже в «*Pages choisies de Babeuf*» (Paris, 1935, p. 221—223), эти строки отсутствуют.

¹³ A. Mathiez. *La réaction thermidorienne*. Paris, 1929 (Русск. перев. «Термидорианская реакция». М., 1931); его же. *Le Directoire*. Paris, 1934.

дов самого Бабёфа. В ходе классовой борьбы, развернувшейся в первые годы Французской революции, социальные идеи Бабёфа все более кристаллизуются. Свое письмо к Купе в августе 1791 г. Бабёф характеризовал несколько недель спустя как проект «совершенного равенства»¹⁴ («égalité parfaite»), применяя тот же эпитет, которым он весной 1793 г. окрестил и свой проект «Законодательства санкюлотов или совершенного равенства»¹⁵. Но, по мере того как зрели его социальные проекты, Бабёф все более пытливым искал во Франции среди наиболее влиятельных политических деятелей левого крыла тогдашней демократии своих явных или полускрытых единомышленников. Его внимание привлек прежде всего проект «Декларации прав» Петюна, но в особенности высоко оценивал Бабёф выступления Робеспьера, который казался ему подлинным союзником. «Вы взяли обязательство,— писал Бабёф 20 августа 1791 г. аббату Купе в момент избрания последнего депутатом Законодательного собрания от департамента Уазы,— следовать примеру других ваших соперников (émules)! Петюн в своем проекте декларации прав человека в 1789 г. посвятил особую статью самому важному из этих прав, которое потом решили забыть в декретированной декларации,— обязанности общества обеспечить всем своим членам честное пропитание (subsistance honnête). Проанализируйте Робеспьера: вы увидите, что, в последнем счете, он является сторонником аграрного закона (agrarrien), но эти знаменитые люди вынуждены лавировать, так как они чувствуют, что время еще не пришло. Вы должны будете подняться на ту же высоту, что и эти уважаемые филантропы, ваши принципы... те же, что и у них»¹⁶.

В этом своем — несомненно, ошибочном — представлении о характере социальных воззрений Робеспьера, который никогда не был сторонником идеи «аграрного закона», Бабёф еще более укрепился весной 1793 г., после приезда в Париж.

На вопрос, который ставил А. Матез, были ли Бабёф и Робеспьер лично знакомы в этот период, мы можем сейчас ответить утвердительно на основании письма Бабёфа к его жене в мае 1793 г.¹⁷ Присутствовал ли Бабёф в Якобинском клубе во время знаменитой речи Робеспьера 21 апреля 1793 г., в которой он изложил свой проект «Декларации прав человека и гражданина», мы не знаем, но речь эта, несомненно, укрепила представление Бабёфа о том, что в лице Робеспьера он имеет союзника в осуществлении самых далеко идущих планов социального переустройства.

Обращаясь к Анаксагору Шометту через две недели после этого выступления, Бабёф, резко критикуя жирондистский проект конституции, писал: «Но ты, Робеспьер, ты, который так точно определил собственность, начертал границы, которыми должно быть ограничено это право, чтобы оно не стало пагубным для громадного большинства общества, ты, который заявил: «Право собственности не должно причинять ущерба существованию других, нам подобных. Общество обязано заботиться о пропитании всех своих членов, обеспечивая их трудом или обеспечивая им средства к существованию, когда они не в состоянии работать»,— *явись, ты — наш законодатель!* А вы, якобинцы, единодушно одобрявшие возвышенный труд этого достойного представителя народа, вы, не столь беспощадные, как Сенат, сплотитесь вокруг нашего Ликурга, вы — его помощники, его ценнейшие сотрудники»¹⁸.

Такую же высокую оценку робеспьеровского проекта «Декларации», в особенности статьи 17-й, Бабёф дает и в своем рукописном, оставшемся незавершенным проекте «Законодательства санкюлотов». Обосновывая, каковы должны быть священные права «24-х из 25-ти миллионов», Бабёф подчеркивает, что эти «подлинные права были уже торжественно признаны. Робеспьер, и с ним все якобинское

¹⁴ Архив ИМЛ, 111 В VI.— «Как мы далеки, видимо, от славной мечты (le fameux rêve) совершенного равенства, которую я с таким удовольствием поспешил набросать в Бове. Время, как вы и полагаете, покажет, что мы можем и что мы должны сделать» (письмо Купе от 3 октября 1791 г.).

¹⁵ Архив ИМЛ, 3 В II.

¹⁶ A. Espinas. La philosophie sociale du XVIII s. et la Révolution, p. 410. Предлагая в этом же письме свои услуги Купе в качестве секретаря, Бабёф обосновывает это тем, что Купе предстоит, несомненно, большая переписка, и прежде всего «с Робеспьерами и Петюнами».

¹⁷ Архив ИМЛ, В VIII. Gr. Babeuf à sa femme, 27 mai 1793.

¹⁸ Архив ИМЛ, В X. Gr. Babeuf à Anaxagoras Chaumet 7 mai l'an II. Подлинник письма хранится в архиве ИМЛ; в 1935 г. он был опубликован по не совсем точной копии М. Доммаже в «Pages choisies de Babeuf», p. 142—147.

общество, а вместе с ними все честные, не закоренелые в эгоизме французы, установив подлинные границы права собственности, признали тот принцип, что «право собственности не должно причинять ущерба существованию других, нам подобных»¹⁹.

Приведя текст 17-й статьи робеспьеровского проекта, Бабёф подчеркивает, что, поскольку в ней признается право человека требовать от общества обеспечения его существования — и притом не только хлебом, но и всем, «что составляет сумму человеческих потребностей», — этим сделан большой шаг навстречу и его собственным, Бабёфа, планам. Он формулирует это еще решительнее: «почти целиком найдено решение моей задачи (ou plutôt, même ma solution est entièrement produite)»²⁰.

Эту оценку робеспьеровской декларации, которая произвела, по-видимому, неизгладимое впечатление на Бабёфа, он неоднократно повторял даже в самых резких своих антиробеспьеровских выступлениях и памфлетах, даже тогда, когда готовил свой оставшийся незаконченным и не увидевший света памфлет «Полная история робеспьеризма, или вся правда о диктаторском заговоре»²¹.

Бабёф вернулся к этому вопросу за несколько месяцев до своего ареста, в феврале 1796 г. В одном из последних номеров «Le Tribun du Peuple» Бабёф писал о робеспьеровской декларации почти в тех же выражениях, что и в своих рукописях 1793 г.: «Когда 21 апреля 1793 г. Робеспьер вызвал аплодисменты и заслуженные восторги (les vifs transports) народа, определив право собственности как право каждого гражданина пользоваться теми благами, которые гарантированы ему законом, право, ограниченное обязанностью уважать права всех остальных членов общества и не наносить ущерба их безопасности, их свободе, их существованию и их собственности, — это определение было моим манифестом (выделено нами. — В. Д.) и эта редакция прав человека и гражданина вовсе не была произведением лидемера. Этот эпитет подходит к тем, кто подменил это определение другим, достаточно двусмысленным, что собственность является правом располагать по своему усмотрению плодами своего промысла (les fruits de son industrie). Декларация прав Робеспьера претерпела только одно существенное изменение, после которого она заняла свое место в начале конституции 93 года. *Разумеется, после этого искажения (mutilation) она перестала быть моим манифестом* (выделено нами — В. Д.). Но из-за этого я не должен высокомерно оспаривать у Максимилиана Робеспьера инициативу создания во время революции плана действительного равенства (plan d'Égalité réelle), к которому, как видно из сотни мест в его сочинениях, тяготели его подлинные желания (tendoient ses vœux uniques)»²².

Именно эти заявления были ошибочно истолкованы А. Матъезом как подтверждение того, что «настоящим предшественником подлинно социалистической мысли» во Франции был Максимилиан Робеспьер²³. Здесь не место анализировать социально-экономические воззрения Робеспьера. Однако совершенно очевидно, что считать их социалистическими никак нельзя. Самый принцип частной собственности, даже на землю, Робеспьером никогда не подвергался сомнению, — в полную противоположность взглядам Бабёфа. Замечание Маркса об отношении Робеспьера к закону Ле-Шапелье о запрещении коалиций превосходно характеризует буржуазный характер рабочей политики руководимого Робеспьером Комитета общественного спасения, опять-таки в полную противоположность Бабёфу, вся политика которого с первых же лет революции была направлена на улучшение материального положения именно тех слоев населения, для которых заработная плата была уже главным источником существования.

Известные иллюзии относительно взглядов Робеспьера объясняются процессом становления социалистических взглядов Бабёфа, некоторой их неясностью в тот период, когда они только еще приобретали отчетливо коммунистический характер.

¹⁹ Архив ИМЛ, 3 В II.

²⁰ Там же.

²¹ Там же, 108 В II.

²² «Le Tribun du Peuple», № 40, 5 ventôse l'an IV (24 февраля 1796 г.).

²³ См., например, краткий некролог Матъеза о известном бакунисте Дж. Гильоме: «Д. Гильом преклонялся перед Робеспьером и с полным основанием считал его настоящим предшественником подлинно социалистической мысли, не искаженной еще влияниями с другой стороны Рейна». — «Annales Révolutionnaires», 1917, p. 143.

Но вместе с тем они показывают, как воспринимались проекты Робеспьера самыми передовыми социальными мыслителями революционной Франции. Не Робеспьер, а Бабёф был автором плана «действительного равенства», понимаемого в социалистическом духе. Но именно у Робеспьера, больше чем у кого-либо другого из якобинских лидеров, Бабёф находил мысли, ближе всего подходившие к его «манифесту», и как раз тогда, когда он даже Марата резко критиковал за невнимание к важнейшему вопросу о «благополучии неимущего класса». Бабёф ошибался и преувеличивал, но он был абсолютно прав, подчеркивая отсутствие всякого «лицемерия» в проектах Робеспьера. И «Декларация прав» Робеспьера и вантозовские декреты были венцом того, на что способны были самые передовые и самые искренние мелкобуржуазные идеологи и политики XVIII в. И в этом смысле оценка Бабёфа имеет свою объективную историческую значимость. Она куда ближе к исторической действительности, чем оценка тех историков, которые ошибочно видят в социальной политике робеспьеристов, даже в вантозовских декретах, только проявление «демагогии».

Отметим, что уже в 40-е годы XIX в. один из первых немецких демократических историков Французской революции, лейпцигский профессор Вакмут в книге «Geschichte Deutschlands im Revolutionsalter» привел цитату из той же речи Робеспьера против установления избирательного ценза и следующее место из робеспьеровских «Papiers inédits»: «Внутренние опасности идут от буржуа; чтобы победить буржуа, нужно объединить народ. Нужно, чтобы санкюлоты сплывались и оставались в городах. Нужно предоставить им оружие... нужно их просвещать». Здесь приведена также выдержка из письма члена Конвента Изабо, обращенного к Робеспьеру: «Пришло время, чтобы бедняки и санкюлоты господствовали, потому что они составляют большинство, а большинство должно господствовать». Показательно, что именно эти цитаты внес К. Маркс в свой конспект книги Вакмута, которую он читал в 1843 г. в Крейцнахе²⁴.

* * *

Когда появилось у Бабёфа критическое отношение к Робеспьеру, превратившее его осенью 1794 г. на время даже в «Атилла робеспьеризма»? Чем оно было вызвано? К сожалению, материалы московского архива не позволяют ответить на этот вопрос со всей необходимой полнотой. Но мы располагаем все-таки новым документом, который позволяет установить, что перелом в отношении к Робеспьеру начался у Бабёфа уже в 1793 г. Мы имеем в виду письмо Бабёфа к издателю газеты «Les Révolutions de Paris» Приютому, которого Бабёф высоко ценил и газету которого внимательно читал и конспектировал все годы революции. В нем он подвергает критике религиозную политику Робеспьера. Письмо (оно сохранилось в двух вариантах)²⁵ не датировано, но оно, очевидно, относится к зиме 1793/94 г. и написано не раньше декабря 1793 г., уже после прекращения политики насильственной дехристианизации, но до введения «культы верховного существа».

Нет никаких оснований предполагать, что Бабёф солидаризировался с эбертистами и сторонниками насильственного введения «культы разума». Наоборот, в пачатой им, примерно в то же время, работе «Новая история жизни Иисуса Христа» он критикует эберовский «Père Duchesne» за оценку Иисуса как «честного санкюлота». В письме к Приютому он выражает согласие с тем, что методы, примененные в борьбе против религии, «могли только воскресить и увеличить в неизмеримой степени силы наших внутренних врагов». Но, критикуя эбертистов, Бабёф одновременно критикует и Робеспьера.

«Робеспьер,— пишет он Приютому,— призвал всех французов к молчанию (silence) в отношении религиозных дел²⁶. Эта мера казалась необходимой, и я

²⁴ Архив ИМЛ, фонд I, № 2288.

²⁵ Там же, 37 В IV и 85 В IV.

²⁶ Эту точку зрения Робеспьер формулировал задолго до начала «дехристианизации». В письмах к своим избирателям он подчеркивал еще в начальный период деятельности Конвента: «Да, мы должны воздерживаться от того, чтобы привлекать общественное внимание к религиозным идеям». Робеспьер опасался в противном случае взрыва религиозного фанатизма, особенно в странах, куда весной 1793 г. должна

не собираюсь ее оспаривать. Она имела целью потушить в самом зародыше пожар фанатизма, первые искорки которого уже засверкали и угрожали воспламенить в самом ближайшем будущем всю республику. Конечно, цель может быть достигнута и этой мерой, потому что то, о чем не говорят, не может вызвать возбуждения». Однако Бабёф опасается, что эта политика умалчивания не парализует «чудовище фанатизма». Он предостерегает, что при проведении политики полной бездеятельности «глубоко укоренившиеся предрассудки, влияние, которое сохраняют священники, вскоре заставят нас сделать еще несколько шагов назад». Выбора нет: «мы вынуждены отступить или идти вперед (il y a force de reculer ou d'avancer)»²⁷. И Бабёф рекомендует идти вперед и искать новые средства вместо тех, которые показали свою непригодность во время насильственного насаждения «культу разума».

Из всех известных нам отзывов Бабёфа о Робеспьере за все годы революции, с 1789 по 1793 г., это первый критический отзыв. Он делает честь Бабёфу²⁸. Он свидетельствует и о начавшемся вообще пересмотре отношения Бабёфа к Робеспьеру; этот пересмотр, как мы знаем, в конце концов завел Бабёфа слишком далеко.

Как внимательно продолжал следить Бабёф, даже находясь в Парижской тюрьме, за деятельностью и выступлениями Робеспьера, можно судить по одному наброску, сохранившемуся в архиве. Это — проект обращения (на нем имеется пометка Бабёфа, что он не был отправлен) к министру юстиции Мерлену из Дуа от 28 жерминаля II года (18 апреля 1794 г.). «Робеспьер заявил у якобинцев 26 числа, — пишет Бабёф, — что «каждый раз, когда обнаруживается, что преследуют патриота, рвение всех патриотов должно немедленно возгореться... Друзья Республики должны спасать патриотов от преследования. Мы обещаем всем французам от имени Конвента, от имени Комитетов общественного спасения и общественной безопасности, что ни один патриот не останется неотомщенным и что ни одно преследование, исходящее от аристократов, не останется безнаказанным»²⁹. Ссылаясь на это заявление Робеспьера, Бабёф требовал своего освобождения.

Нельзя, конечно, не заметить в этом наброске, написанном после почти полугодового тюремного заключения, известной горечи и, вероятно, скрытой иронии, — так явно противоречило заявление Робеспьера тому положению, в котором находился сам Бабёф, как раз и бывший жертвой подобных преследований.

Было бы, однако, совершенно ошибочным объяснить перемену в отношении Бабёфа к Робеспьеру озлоблением, вызванным тюремным заключением, или недовольством из-за отношения робеспьеристов к Гарену (продовольственному администратору Парижской коммуны, покровительствованному Бабёфу), как склонен допустить это Ж. Лефевр³⁰.

Изменение отношения Бабёфа к Робеспьеру в период якобинской диктатуры, логическим последствием которого явилась глубоко ошибочная позиция Бабёфа в первые недели и месяцы термидорианской реакции, имело глубокие корни. Оно было связано с политической концепцией, присущей, по-видимому, многим представителям крайне левого крыла французской демократии, — во всяком случае, многим «бешеным», как, например, Ж. Варле. В большой «теоретической» тетради Бабёфа,

была вступить армия Дюмурье. — «Lettres de Maximilien Robespierre... à ses com-metans». Second semestre, № V, p. 257, 268.

²⁷ Архив ИМЛ, 85 В IV.

²⁸ Жорж Лефевр недавно в рецензии на новейшую работу М. Будуазо о Робеспьере отметил отсталость, даже с точки зрения XVIII в., религиозно-философских воззрений Робеспьера. «Его философские позиции, — пишет Лефевр, — с моей точки зрения, требуют оговорок. По своему образованию он, как и большинство его современников, не имел никакой подготовки к экспериментальному рационализму, никакой собственно научной культуры. К дедуктивно-материалистическому рационализму картезианцев он присоединил под влиянием Руссо... интуицию верховного существа, бессмертия души, загробной жизни... Последствия оказались очень тяжелыми: идея чисто светского государства, совершенно безразлично относящегося к религии, оставалась столь же чуждой Робеспьеру, какой она была и для членов Учредительного собрания. Мне скажут, что он был человеком своего времени. Несомненно! Но в этом отношении он его не опередил, и многие из нас расходятся с ним по этому вопросу. — «Annales historiques de la Révolution française», 1957, p. 178.

²⁹ Архив ИМЛ, 92 В IV.

³⁰ «Annales historiques de la Révolution française», 1957, p. 86.

относящейся к 1790—1791 гг., в целом ряде его рукописей, во всех его рассуждениях о трудности создания подлинного демократического правительства — повсюду, одновременно с признанием необходимости существования государства, проявляется страх перед неизбежностью злоупотреблений со стороны любых представителей государственной власти. «Человеку по его природе присуще стремление к господству», «дух господства (*esprit de domination*) внутренне присущ нашей природе» — такие мысли непрерывно повторяются в рукописях Бабёфа уже в 1790 г., в период издания «Пикардийского корреспондента» («*Le Correspondant picard*») ³¹. Бабёф считал, что неограниченная государственная власть неизбежно развращает того, кто ею облечен. Именно эта теоретическая позиция определяла его отрицательное отношение и к революционному правительству якобинцев и к Робеспьеру. Это совершенно очевидно из всех рассуждений Бабёфа в начальный период термидорианской реакции ³².

Неограниченная, диктаторская власть, как кажется Бабёфу (хотя в 1791 г., в момент Вареннского кризиса, у него можно найти и другие рассуждения), неизбежно делает ее носителя тираном. Примером этого Бабёф считал в тот период превращение Робеспьера из «апостола свободы» в «тирана» только в силу того, что он «вкусил из чаши неограниченной власти».

Не следует думать, что этот ход рассуждений был свойствен только Бабёфу, — в тех или иных вариантах он был присущ почти всем представителям крайне левых. Почти все они искали форм развития «прямого народоправства», всемерного осуществления самой широкой «чистой» демократии. Но при этом подавляющее большинство из них (если не считать крайне немногочисленной группы сторонников взглядов Марата) не понимало необходимости для защиты завоеваний революции временной, но жесткой революционной диктатуры.

«Сказать, что я был в оппозиции к системе террора, — писал Варле в мае 1795 г., — совершенно недостаточно, чтобы выразить мои мысли (*ma pensée de tous tems*): я питал омерзение и отвращение к устрашительным декретам, обрушившимся с жестокой суровостью на всех французов... Существуют почетные доказательства моего горячего стремления стать в оппозицию ко всем убийственным для нации законам, даже если они направлены против священников и дворян-конspirаторов... Я горжусь тем, что... от 27 парижских секций напал с самого начала на революционное правительство у решетки Национального конвента. Петиция против 40 су, в которой было доказано, что сумма, предложенная в качестве вознаграждения, была попыткой подкупа народных собраний, явилась прямой оппозицией к законам и к самому революционному правительству. В то время, когда тиран Робеспьер имел право распоряжаться жизнью и смертью каждого из нас, было известной заслугой отважиться на выступление против диктаторской власти; я мог бы искупить на эшафоте этот подлинно республиканский поступок» ³³.

В доказательство того, что эта оппозиция «революционному правительству» соответствовала его прочно установившимся убеждениям, Варле ссылаясь на то, что в Электоральном клубе он «снова выступил против тирании» ³⁴. Когда в сентябре 1794 г. Варле был арестован, выступившая на защиту его секция доказывала, что «Варле первым разоблачал Робеспьера, Колло д'Эрбуа, Билло, Барера» и «их клику», что «задолго до 9 термидора, как и после него, он разоблачал вождей тирании, заявив: «все они виновны, испив из той же чаши, что Робеспьер и другие»» ³⁵.

Непонимание неизбежности диктатуры, известного временного ограничения «чистой демократии» было, в той или иной мере, присуще и Бабёфу, и Варле, и многим другим представителям парижского санкюлотского движения, которых совершенно произвольно, по традиции, но без достаточных оснований до сих пор называют в исторической литературе «эбертистами». Из этой их слабости и проистекала

³¹ Архив ИМЛ, 104 В I, 26 В III.

³² См., например, «*Le Tribun du Peuple*», № 25, 17 vendémiaire, l'an III (9 октября 1794 г.).

³³ «*Le citoyen Varlet prisonnier à la Force en réponse à ses motifs d'arrestation*» (Archives Nationales, W 566 — по фотокопии, хранящейся в архиве ИМЛ).

³⁴ Там же.

³⁵ Archives Nationales, F⁷ 4775⁴⁰ (по фотокопии, хранящейся в архиве ИМЛ).

резко отрицательная оценка деятельности Робеспьера как руководителя революционного правительства. Бабёф не был ни «довольно банальным антиякобинцем», как казалось это в 1927 г. П. П. Щеголеву, впоследствии исправившему свою ошибку³⁶, ни одним из «первых вожаков» золотой френоновской молодежи, как совершенно неправильно охарактеризовал его позицию после 9 термидора Альбер Матъез в своей «Термидорианской реакции»³⁷. В термидорианском лагере Бабёф с самого начала находился на крайнем левом фланге, но если он вместе со всеми «электоральцами» все-таки оказался временно в этом лагере, то прежде всего из-за непонимания роли революционной диктатуры. Но из признания ее необходимости,— а для этого Бабёфу и всем шедшим с ним представителям санкюлотов понадобилось всего лишь несколько месяцев, от термидора до жерминаля,— неизбежно следовало и признание великой исторической роли Робеспьера не только до лета 1793 г.— ее Бабёф всегда ценил чрезвычайно высоко,— но и в период якобинской диктатуры.

Этот пересмотр отношения к Робеспьеру Бабёф сумел произвести со всем присутствием ему мужеством и бесстрашием. Мы позволим себе еще раз привести известное его письмо к эбертисту Жозефу Бодсону, без чего всякая попытка характеризовать отношение Бабёфа к Робеспьеру была бы неполна и неточна. «Я чистосердечно признаю,— писал Бабёф в феврале 1796 г.,— что я очень зол на себя за то, что когда-то чернил и революционное правительство, и Робеспьера, Сен-Жюста и других. Я считаю, что эти люди сами по себе стояли больше, чем все остальные революционеры, вместе взятые, и что их *диктаторское правительство было дьявольски хорошо задумано*... Я несколько не согласен с тобой, что они совершили большие преступления и погубили многих республиканцев. Не так много, я думаю; большинство погубила термидорианская реакция. Я не занимаюсь при этом вопросом, были ли Эбер и Шометт невиновны. Если даже и так, я все-таки оправдываю Робеспьера... Пуганики, люди с посредственными способностями (*hommes à demi-moyens*)..., жаждавшие славы и преисполненные самомнения (*présomption*), как, например, Шометт, могли быть расценены нашим Робеспьером как желающие вырвать у него руководство колесницей... Тот, кто видел, что все эти смешные соперники даже при самых лучших своих намерениях все испортят, мог, как мне кажется, сказать: отстраним... этих докучливых гномов (*ces farfadets importuns*) вместе с их добрыми намерениями. И, по моему мнению, он поступил правильно... Судьба 25 миллионов людей не должна зависеть от поведения нескольких сомнительных личностей... Плуты они или глупцы, тщеславные или честолюбцы — неважно... Зачем они здесь находятся? Робеспьер понимал все это, и одно это заставляет меня восхищаться им. Это заставляет меня видеть в нем гения»³⁸.

Бабёф считал, что подлинные революционеры не могут больше оставаться эбертистами. К тому же «эбертизм существует только в Париже и среди небольших групп, да и они поддерживают его не безгранично (*non sans limites*)». Было бы поэтому бессмысленно и неправильно пытаться оживлять эбертистские традиции. Но совершенно иначе дело обстоит с робеспьеризмом: «воскрешать Робеспьера — это значит воскрешать всех энергичных патриотов Республики, и вместе с ними народ, который когда-то прислушивался и следовал только за ними. Они сейчас беспомощны... эти энергичные патриоты, ученики того, о ком можно сказать, что он основал у нас свободу. Они беспомощны... с тех пор, как память об этом основателе была несправедливо оклеветана. Вернем же ему его первоначальный, законный блеск (*lustre*), тогда пробудятся все его ученики и вскоре они победят. Робеспьеризм снова сразит все группировки, он не похож ни на одну из них... Робеспьеризм — во всей Республике, во всем справедливом и дальновидном классе, и, естественно, во всем народе. Причина этого ясна: робеспьеризм — это демократия, и оба эти слова тождественны; воскрешая робеспьеризм, вы можете быть уверены в том, что воскрешаете демократию»³⁹.

³⁶ П. П. Щеголев. Заговор Бабёфа, стр. 165. Эта оценка была им изменена в книге «После термидора», стр. 38—39.

³⁷ A. Mathiez. La réaction thermidorienne, p. 96.

³⁸ «Copie des pièces saisies dans le local qu'occupait Babeuf», vol. II, p. 52—54; см. также у М. Домманже: «Pages choisies de Babeuf», p. 284—286.

³⁹ Ibidem.

Альфонс Олар, этот широко известный либерально-буржуазный историк, авторитет которого бесспорно разрушил своим многолетним, добросовестным и кропотливым трудом Альбер Матъез, когда-то заявил по адресу Робеспьера: «Я отказываюсь олицетворять французскую революцию в этом набожном клеветнике и в этом мистическом убийце»⁴⁰.

Подлинная историческая наука не подпишется под этим глубоко несправедливым приговором. Напротив, она со всем вниманием отнесется к той оценке, которую дал «неподкупному» Грахх Бабёф. «Максимилиан Робеспьер,— писал он в 1796 г.,— человек, которого оценят века; моему свободному голосу дано опередить этот приговор»⁴¹. В «спорах о Робеспьере» мнение о нем Бабёфа — важный и ценный исторический документ.

⁴⁰ А. Алард. *Études et leçons sur la Révolution française*, I-ère partie. Paris, 1905, p. 281.

⁴¹ «Le Tribun du Peuple», № 35.

